

менныхъ Записокъ» уже знаютъ эти увлекательные рассказы о Петръ, Герасъ, Пальмиръ и Дуръ, и я не буду останавливаться на нихъ по существу, тѣмъ болѣе, что у меня не хватаетъ для того специальныхъ знаній. Для чтенія ихъ, этихъ знаній не требуется. Всякій почувствуетъ съ какой проицательностью разбирается авторъ въ трудно обозримой пестротѣ археологическаго матеріала и, если не оцѣнитъ степени его научнаго мастерства, то навѣрное пойметъ, хотя бы отчасти, своеобразіе его личности, какъ ученаго. Онъ всегда излагаетъ, повѣствуетъ, даже когда изслѣдуетъ. Малѣйшія частности интегрируются общимъ теченіемъ его мысли. Нѣкоторое синтетическое зрѣніе всегда первенствуетъ у него надъ дифференцирующей пристальностью отдѣльныхъ наблюдений. Это не противорѣчитъ тому, что я говорилъ объ обращеніи къ окаменѣлой систематичности. Историческое познаніе и здѣсь — предвкушеніе нѣкоей совокупности, но не идейной, а реальной, жизненной; всѣми частностями управлять не столько та или иная теоретическая конструкція, сколько представленіе, объ умовостигаемомъ, правда, все же вещественномъ, конкретномъ цѣломъ.

Тѣ, кто учился въ Петербургскомъ Университетѣ, не могутъ не помнить лекцій М. И. Ростовцева. У нихъ было удивительное свойство: въ каждой заключалась какъ бы во всей своей полнотѣ наука римской исторіи. Это была не «система знаній», а само знаніе — сліяніе комментарія и факта; это была цѣлостная интеллектуальная волна и часовая стрѣлка теряла власть надъ нею. Раздавался звонокъ, профессоръ еще читалъ, студенты и не думали расходиться. Лекція продолжалась, мы слушали съ волненіемъ, мы жалѣли о ея концѣ. Съ такимъ же чувствомъ теперь мы закрываемъ эту новую книгу.

В. Вейдле.

М. В. Вишнякъ. Два пути (Февраль и Октябрь), 285 стр. Изд-во «Современныя Записки», Парижъ, 1931 г.

Это — не исторія, не пересказъ установленныхъ фактовъ и не установленіе новыхъ. Авторъ «вообще оспариваетъ возможность составленія исторіи въ пылу незавершенныхъ еще битвъ и споровъ». Такая болѣе или менѣе объективная исторія принадлежитъ будущему, и лишь будущими поколѣніями, а не самими участниками грандіозныхъ событій, можетъ быть написана. Цѣль автора иная. Въ качествѣ современника-очевидца онъ «хотѣлъ бы предупредить появленіе — или хотя бы ослабить эффектъ — будущихъ легендъ о русской революціи, которая не преминетъ, конечно, создать русскіе Тэны и Мишлэ, каждый на свой ладъ». Авторъ не можетъ, конечно, предвидѣть, какія именно легенды создадутъ будущіе русскіе Тэны. Но одна «легенда», творимая нѣкоторыми историками уже сейчасъ, — особенно тревожитъ М. В. Вишняка: это попытка «не только по откровенно политическимъ соображеніямъ, но и подъ прикрытіемъ историческаго знанія, взять революцію en bloc и слить Мартъ и Октябрь въ об-

ую массу или «глыбу», в нѣкое поприщинское «Маргобря»! Самъ авторъ даже заглавіемъ книги хочетъ убѣдить читателя, что Февраль и Октябрь это не одинъ путь послѣдовательно развивающейся русской революціи, а именно два совершенно различныхъ пути, связанные между собою лишь хронологическими датами, а не внутренней **закономѣрностью** развивавшихся событий. Упорно проводя эту свою точку зрѣнія, авторъ сомнѣвается даже, можно-ли вообще Октябрь, опиравшійся преимущественно на «шкурническіе» инстинкты, назвать революціей. Въ лучшемъ случаѣ «Октябрь былъ, если угодно, **штабной** революціей, но не революціей въ подлинномъ и единственномъ значеніи и смыслѣ». Этотъ смыслъ и значеніе «подлинной» революціи авторъ устанавливаетъ болѣе чѣмъ произвольно: «только тамъ, гдѣ народъ самъ разрушаетъ и творитъ, только тамъ — подлинная революція. Въ Февралѣ дѣйствовалъ народъ, наличествовала національная стихія и потому тогда была революція. Въ Октябрѣ дѣйствовалъ Центральный Комитетъ партіи большевиковъ, революціонный Комитетъ, военная организація, петроградскій совѣтъ, Викжель и т. п., и потому тогда было возстаніе, закончившееся побѣдой, но не сдѣлавшееся отъ этого революціей» (см. стр. 259).

Достаточно читать въ эту цитату, чтобы произвольность опредѣленія авторомъ понятія революціи стала ясна. Какой народъ дѣйствовалъ въ Февралѣ и какой не дѣйствовалъ въ Октябрѣ? Если взять только одинъ этотъ критерій, «дѣйствіе народа», то именно Октябрь будетъ подлинной революціей, а Февраль — только прелюдіей къ ней. Армія, — солдаты, — «брата» русскіе города именно въ Октябрѣ. Крестьяне брали помѣщичью землю въ Октябрѣ. Рабочіе «брали» фабрики и грабили «буржуевъ» именно въ Октябрѣ. Допустимъ, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ рѣзко выступаютъ «шкурническій» интересъ. Но иррационально ли найдется такой историкъ, который-бы доказалъ, что въ «настоящихъ», подлинныхъ революціяхъ дѣйствуютъ лишь идеальныя побужденія. Напротивъ: именно идеальныя цѣли и побужденія легче всего побиваются въ революціяхъ напоромъ самыхъ разнообразныхъ, въ томъ числѣ и низменныхъ, стихій, не сдерживаемыхъ болѣе никакой силой падающаго строя. Конечно, между Февралемъ и Октябремъ есть различіе и мы его укажемъ. Но что Октябрь не можетъ быть выведенъ изъ того историческаго періода, который въ будущемъ будетъ носить имя «періода русской революціи 1917 г.», это несомнѣнно. Въ книгѣ мы находимъ изложеніе точекъ зрѣнія на революцію 1917 г., развитыхъ въ работахъ В. А. Маклакова, П. Н. Миллюкова, Ник. Суханова, Л. Троцкаго, И. С. Штейнберга и Ф. А. Степуна. Отталкиваясь отъ многихъ положеній, защищаемыхъ этими авторами, М. В. Вишнякъ развиваетъ и свою точку зрѣнія. Къ концу книги эта его точка зрѣнія становится совершенно ясной: апологетъ Февраля и страстный ненавистникъ Октября. Въведеніемъ въ изложеніе этой особой страстности, авторъ какъ будто-бы доказываетъ справедливость своей основной точки зрѣнія еще не можетъ быть составлена подлинная исторія Февраля и Октября, еще обжигаетъ «пыль

незавершенных битв и споров». Но нельзя ли все-таки потушить этот «пыль» в спорах и разногласиях установлением иного методологического подхода к изучению «двух путей» русской революции не в смысле «Февраля» и «Октября», — как цельсных периодов, а в смысле разделения двух совершенно различных факторов, действовавших и в Февраль, и в Октябрь? В самом деле, что должен четко разделить историк при изучении того или иного обрѣзка истории? Во всяком историческом периодѣ мы найдем процессы двоякого типа: 1) процессы стихийные, въ которыхъ господствуетъ принципъ гетерогенности между наметренными дѣйствующими лицами и достигаемыми ими результатами. Такъ называемый «самотекъ»; 2) процессы творческаго вмѣшательства людей въ этотъ самотекъ, въ стихійный ходъ движенія, для осуществленія своихъ сознательныхъ намѣреній по принципу совпаденія намѣреній съ результатами этихъ сознательныхъ дѣйствій.

Если принять такой подходъ къ изслѣдованію историческихъ явленій, то даже намъ, современникамъ русскихъ революціонныхъ явленій, нетрудно будетъ доказать наличие единого революціоннаго самотека, единой цѣпи стихійныхъ народныхъ движеній не только въ Февраль и въ Октябрь, но и гораздо раньше, съ 90-хъ г. г. конца XIX вѣка и начала XX-го. Рядомъ съ этимъ стихійнымъ нарастаніемъ революціоннаго процесса въ массахъ мы видимъ другой процессъ: сознательное вмѣшательство организованныхъ партій съ цѣлью направить потокъ стихій въ определенное русло. Ясно, что между намѣреніями и цѣлями дѣйствовавшихъ въ Февраль сознательныхъ силъ и между цѣлями большевиковъ есть большая, во многихъ случаяхъ принципиальная разница. Но къ сожалѣнію (или въ данномъ случаѣ — къ счастью...), результатъ историческаго процесса въ гораздо большей степени опредѣляется именно «самотекомъ», а не сознательнымъ воздействием на него тѣхъ или иныхъ группъ и партій. Опытъ большевистскаго государства съ особой наглядностью показалъ, что сознательно ставимыя цѣли далеко не единственный факторъ истории; что достиженіе этихъ цѣлей даже методами насилія упирается въ стихійное сопротивленіе народа и что эти «два пути», — путь сознательнаго творчества и путь самотека, — сближаются лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ народныя массы дѣйствуютъ не въ состояніи мысли, а уже заключены въ рамки самыхъ разнообразныхъ организаций. Во всякомъ случаѣ объективное содержаніе октябрьской революціи далеко не исчерпывается цѣлями, намѣреніями и методами большевистскаго штаба. Есть въ ней нечто и отъ самого народа.

Горячо и интересно написанная книга М. В. Вишняка снова оживляетъ спорные вопросы объ отношеніи къ двумъ стадіямъ русской революціи. Каждый изъ современниковъ этихъ грандіозныхъ событій даетъ имъ свое истолкованіе, устанавливая свои точки зрѣнія. Но совершенно правъ авторъ, утверждающій особую цѣнность этихъ истолкованій революціи именно ея современниками: «Пережить революцію въ политической реальности, а не въ научно-историческомъ

воспроизведения по архивным данным, мы имѣли возможность ощутить ея непосредственное дыханіе, ея бѣненіе и трагически — безысходныя противорѣчія. На собственномъ духовномъ опытѣ познали мы, что революціи происходятъ вовсе не такъ, какъ ихъ позднѣе описываютъ Ламартини, Тэнны и даже Одары.

Е. К. Кускова.

Русская историографія въ оцѣнкѣ совѣтскихъ историковъ. Русская историческая литература въ классовомъ освѣщеніи. Сборникъ статей съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Н. Покровскаго. Томъ I-II. Труды Института красной профессуры.

Этотъ коллективный Сборникъ вышелъ изъ того семинарія, который М. Н. Покровскій ведетъ въ Московскомъ Институтѣ красной профессуры. Такое происхожденіе книги наложило рѣзкую печать и на ея содержаніе, и на ея изложеніе. Это — собраніе ученическихъ работъ. Всѣ авторы поютъ съ голоса учителя, рассказываютъ «своими словами» то, что натвердилъ имъ ихъ руководитель; отсюда — утомительное однообразіе всѣхъ этихъ статей. Въ сущности эти два тома суть не что иное, какъ амплификація тѣхъ нѣсколькихъ страничекъ, на которыхъ Покровскій изложилъ свое предисловіе. И если иногда среди пространнаго пережевыванія мыслей учителя тотъ или иной авторъ вдругъ скажетъ что нибудь такое, что не вяжется съ прочими утверждениями, то такая, — по любимому выраженію совѣтскихъ писателей, — «неувязка» объясняется просто тѣмъ, что и въ самой казенно-большевицкой исторической доктринѣ при всей ея тощей прямолинейности все же кое въ чемъ въ «установкѣ» оказывается «неувязка».

Ученическія упражненія сами по себѣ, конечно, не могутъ представлять особеннаго интереса. Но весьма любопытно знать, какія представленія о выдающихся явленіяхъ русской исторической литературы въбиваются въ головы новобранцевъ «красной профессуры». Вотъ почему я позволяю себѣ остановить вниманіе читателя на этомъ Сборникѣ.

Сборникъ производитъ впечатлѣнныя отчасти комическое, отчасти удручающее. Одна изъ отличительныхъ чертъ всѣхъ вообще большевиковъ — полное отсутствіе чувства комическаго. Ни самъ Покровскій, ни его послушная паства никакъ не могутъ догадаться, сколь комично получается зрѣлище, когда разные никому невѣдомые г. г. Рубачи, Лидяки, Петровы и Сидоровы или только что едва-едва заявившіе себя печатными работами, какъ г-жа Нечкина (паиболѣе серьезный авторъ въ числѣ сотрудниковъ Сборника) либо строго разносятъ за «недомысліе» и историческую неосвѣдомленность Чичерина, Соловьева, Ключенскаго, Милюкова, либо снисходительно жалѣютъ о томъ, что эти историки не были знакомы съ нашимъ пѣтухомъ, т. е. съ идеями товарища Покровскаго. Но это зрѣлище наводитъ въ тоже время и на тяжелыя мысли, ибо оно показываетъ, что цѣлое поколѣніе ушибленныхъ марксизмомъ молодыхъ русскихъ историковъ обречено на